

ИСТОРИЯ РЫБОЛОВСТВА И РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 341.225.8:639.2/3 (091)

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИИ
В ОБЛАСТИ МОРСКОГО РЫБОЛОВСТВА ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО ПЕРВОЙ
ЧЕТВЕРТИ XX В. ЧАСТЬ 2. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ МОРЯ**

© 2013 г. А. И. Глубоков, Н. Р. Попова

*Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства
и океанографии, Москва, 107140*

Поступила в редакцию 28.01.2013 г.

Окончательный вариант получен 11.07.2013 г.

Рассмотрены российские международные отношения в области морского рыболовства от Средневековья до первой четверти XX в. в Дальневосточных морях. В обзор включены малоизвестные источники, что позволяет охарактеризовать становление российских международных отношений в области морского рыболовства.

Ключевые слова: история международного рыболовства, морское рыболовное право, международные рыбохозяйственные исследования.

После выхода российских первопроходцев к побережью Тихого океана началось развитие морских промыслов, в первую очередь зверобойного. К концу XVI и началу XVII вв. промысел морских животных уже существовал между айнами. По мере оттеснения японцами айнов на север промысел перешел с вод, прилегающих к городу Езо (современное название Фукуяма – город на крайнем юго-западе острова Хоккайдо, у входа в Сангарский пролив со стороны Японского моря), на ближайшие Курильские острова. Так, в 1633 г. несколько переселенческих семейств приютились на о-ве Итуруп. Переселение айнов на Курильские острова продолжало увеличиваться, в результате на больших южных островах сформировались небольшие промысловые поселения. Почти одновременно с этим русские промысловые суда, спускаясь к югу от Камчатки и Охотска, занимали северные Курильские острова, а в 1765 г. впервые столкнулись с айнами, промышлявшими на Уруп и соседних островах. Через 13 лет (1778 г.) русские шхуны опять появились, и, хотя жители Итурупа запрещали им охоту на острове Уруп, русские не обращали на это внимания. С 1770 по 1780 гг. русские неоднократно приходили за добычей котиковых и бобровых шкур. К 1788 г. уже все Курильские острова были заняты русскими, кроме Итурупа, где обитали айны. В 1796 г. 30 русских семейств поселились на Урупе как главном месте промысла бобров и котиков (Слюнин, 1895).

Исследования новообретенных Россией дальневосточных земель и островов были начаты по указу Петра Великого в 1725 г. В Первой камчатской, или Беринговой, экспедиции (1725–1730 гг.), названной так по имени ее руководителя Витуса Беринга, кроме него принимали участие лейтенанты Алексей Чириков, Мартин Шпанберг и шестьдесят матросов (Борисов, 1964).

Морские биологические исследования на Дальнем Востоке начались в 1737 г., когда на берег полуострова Камчатка высадился С.П. Крапенинников, участник Второй камчатской экспедиции В.И. Беринга. Его книга «Описание

земли Камчатки» содержит много наблюдений над рыбами, морскими млекопитающими и беспозвоночными (Крашенинников, 1756а,б). В 1740–1744 гг. на Камчатке и на о-ве Беринга проводил исследования другой участник этой экспедиции – Г.В. Стеллер, оставивший ряд сочинений, в том числе «О морских животных» (Steller, 1751), в котором впервые в научной литературе была описана морская корова (Засельский, 1984).

В течение второй половины XVIII в. экспедиция Лаперуза (1783–1787) произвела, судя по указаниям, находящимся в описании путешествия, исследования морской фауны. Главная цель этого путешествия была политическая – завязать торговые и дипломатические сношения с Японией; научное значение путешествия, благодаря участию в экспедиции ученых Тилезиуса и Лангсдорфа, оказалось выдающимся. Результатом этого путешествия явился целый ряд работ Тилезиуса, в которых он дает описания различных морских животных. Лангсдорфф в своих заметках также иногда отмечает зоологические находки экспедиции, а в статье о Камчатке сообщает некоторые данные о камчатских промысловых рыбах (Шмидт, 1904).

Во второй половине XVIII в. изучением водной фауны Дальневосточных морей, в частности рыб, занимались также академик П.С. Паллас, И.И. Лепехин (Наумов, 1982).

В начале XIX столетия территория Российской Империи в Америке простиралась на юг вплоть до укрепления форта Росс, расположенного на побережье северной Калифорнии на параллели 38°18' северной широты; с запада владения были ограничены меридианом, проходящим через точку пересечения этой широты с береговой чертой. Также Россия владела Аляской и островами: Принца Уэльского, Кадьяк, Курильскими, Командорскими, Алеутскими, Прибылова.

В последней четверти XVIII в. энергичную деятельность по освоению многих земель в северо-западной части Тихого океана, эксплуатации их богатств и торговле с «окололежащими странами» развил Г.И. Шелихов – купец-предприниматель, приехавший на Дальний Восток из города Рыльска, Курской губернии. В 1799 г., уже после смерти Шелихова, из организованных им компаний была создана единая Российско-американская компания, вошедшая в историю не только из-за своей обширной хозяйственной и торговой деятельности, но и благодаря тому, что фактически закрепила за Россией земли, открытые русскими на тихоокеанском побережье Северной Америки и прилежащих к нему островах. Российско-американская компания монопольно владела всеми промыслами и ископаемыми, находившимися на северо-восточном берегу Америки от 55° с. ш. до Берингова пролива, а на Алеутских и Курильских островах имела право первопроходца на земли, не занятые другими державами. Царское правительство возлагало на компанию большие надежды, рассчитывая, что это сильное полуправительственное монопольное объединение сумеет противостоять попыткам Англии, Соединенных Штатов Америки и других держав, развивших в конце XVIII – начале XIX вв. усиленную деятельность на Тихом океане, помешать развитию русских промыслов в этом районе. О беззастенчивом хозяйничании американских промышленников на русском Дальнем Востоке сохранилось множество документов. Так, в донесениях правления Российско-американской компании рассказывается о хищническом истреблении ими в русских водах китов и другого морского зверя, а также об ограблении американцами жителей островов (Шмидт, 1905).

Наибольшего расцвета Российско-американская компания достигла в царствование Александра I. Малоизвестно, что первое российское кругосветное плавание под руководством И.Ф. Крузенштерна в 1803–1806 гг. преследовало цель найти внешние рынки сбыта и удобные транспортные пути для добываемых Российско-американской компанией морских пушных зверей, китов и рыбы.

Александр I придавал столь большое значение освоению богатых морских ресурсов бассейна северной части Тихого океана, что в конце своего царствования осуществил первую в мире попытку установления исключительной экономической зоны. 4 сентября 1821 г. он издал указ, разграничивающий русские владения в Северной Америке как на суше, так и на море. В наше время такой указ явно не был бы ратифицирован ни одним государством, так как давал России практически неограниченные права на акваторию вдоль береговой линии шириной 190 км к северу от 51° с.ш. на западном побережье Северной Америки и от 45°50' с.ш. на северо-востоке Азии, т. е. на все Берингово море и значительную часть Тихого океана, объявляемые русским территориальным морем.

Английское правительство заявило о противоречии этого указа международным и внутренним английским нормам права. Российское правительство не придало протесту англичан большого значения, объявив о продолжении соблюдения инструкций, данных судам императорского флота, присматривающим за российским берегом в Северной Америке. «Мы ставим как принцип, – писал министр иностранных дел России Нессельроде 13 (25) июля 1822 г., – что суда императорского флота будут осуществлять свое право надзора настолько близко от берега, насколько это требуется» для предотвращения незаконной торговли и устранения иностранных охотников и рыбаков из российского территориального моря. Но, несмотря на эти заявления, английские власти приказали русским крейсерам удалиться от берега. Таким образом России дали понять, что не считают указ 1821 г. юридическим актом, хоть сколько-нибудь необходимым для выполнения (Николаева, Глубоков, 2002. С. 40).

В то же время американское правительство пыталось усилить свое влияние в Северной Америке. В 1820 г. Конгресс США создал специальную комиссию, представившую доклад о необходимости усилить борьбу против русских.

В этой сложной политической обстановке между Россией, Америкой и Великобританией были проведены переговоры, закончившиеся подписанием двух аналогичных по содержанию конвенций: 5 апреля 1824 г. между Россией и Североамериканскими Соединенными Штатами и 16 февраля 1825 г. между Россией и Великобританией. С Америкой была подписана Конвенция о торговле, судоходстве и рыболовстве в Тихом океане и вдоль северо-западного побережья Америки. В соответствии с Конвенцией «граждане или обособные высокие договаривающихся держав подданные могут пользоваться мореплаванием, производством рыбной ловли и правом приставать к берегам в таких местах, которые еще не заняты, для торговли с природными тамошними жителями» (Николаева, Глубоков, 2002. С. 41). Суды США получили право в течение 10 лет со дня подписания конвенции заходить во внутренние российские моря – Чукотское и Берингово. По условиям Конвенции 1825 г. Великобритания получала выход в бассейн северной части Тихого океана через российские земли и возможность вести там хозяйственную деятельность. Английская сторона получала право:

– плавать по рекам, находящимся в черте русских владений в Северной Америке;

– охотиться, заниматься рыболовством в пределах прибрежной полосы от 54°40' до 59°00' с. ш. на неограниченное время и к северу от 59°00' с. ш. до Берингова пролива сроком на 10 лет.

Российские суда получали право на 10-летний срок заходить во все внутренние воды английских колониальных владений для рыболовства и торговли. Также русские и английские суда отныне могли беспрепятственно плавать по рекам, пересекающим границу российско-английских владений. Форт Росс и острова Принц Уэльский, Кадьяк, Командорские, Алеутские и Курильские оставались за Россией, а Новоархангельский порт открывался для международной торговли (Николаева, Глубоков, 2002).

Несмотря на потери, правовое закрепление обоих побережий Берингова моря и прилегающих территорий за Российской Империей положительно отразилось на российских рыбных и зверобойных промыслах.

В дальнейшем судьбу российских владений в Америке решило выступление декабристов. Один из руководителей декабрьского восстания 1825 г. П. И. Пестель был секретарем Российско-американской компании. В первой половине 1820-х гг. тайные собрания декабристов проходили в Санкт-Петербурге в доме П. И. Пестеля, принадлежавшем Российско-американской компании. Декабристы выступали за воцарение после Александра I его брата Константина, которому принадлежало значительное количество акций Российско-американской компании. Понятно, что после провала декабрьского восстания и прихода к власти Николая I режим наибольшего благоприятствования Компании сменился на противоположный.

Несмотря на это, в 1828 г. грамотой Николая I были подтверждены права и обязанности Российско-американской компании, установленные до принятия Конвенций.

Для изучения богатств бассейна северной части Тихого океана Российско-американской компанией в период с 1804 по 1840 гг. было организовано 13 экспедиций, важнейшие из которых проведены после подписания Конвенций. Так, в ходе экспедиции Ф. П. Литке 1826–1829 гг. было описано западное побережье Берингова моря. В 1840 г. его стараниями на Аляске была открыта первая на Тихом океане морская обсерватория – специализированная гидрометеорологическая обсерватория, в задачи которой входило изучение гидрометеорологического режима моря и составление методического руководства морскими гидрометеорологическими станциями и постами. А. Ф. Капчеваров в 1838 г. впервые описал участок американского побережья от 156° до 166° з.д. и выпустил атлас Восточного океана с Беринговым морем.

Л. А. Загоскин в 1842–1844 гг., совершая промышленный поход по Аляске, открыл реки Юкон, Куикпак, Коукук, Кускоквим и составил пешеходную опись русских владений в Северной Америке.

Однако отсутствие регулярного транспортного сообщения с метрополией затрудняло управление нашими землями в Северной Америке и доставку добываемой продукции в европейскую часть Российской Империи. Этим в 1834 г. воспользовалась английская Компания Гудзонова залива, которая сделала попытку укрепиться в пределах русских владений в устье реки Стикий (Стахин), тем самым вернув себе выход в Тихий океан. В 1839 г. конфликт был решен в пользу англичан,

получивших в аренду за относительно небольшие деньги прибрежную полосу русских владений в Америке от 54°40' с.ш. до 58°20' с.ш.

Интересные указания есть о китобойном промысле в Охотском море, служившем широкой ареной для браконьеров. С 1847 г. начинается усиленная добыча китов американскими шхунами. Целыми эскадрами они направлялись из Нью-Бедфорда; по свидетельству американских источников, за 14 лет (с 1847 до 1861 гг.) ими вывезено китового жира и уса на 130 миллионов долларов (или свыше 200 миллионов рублей) (Слонин, 1895).

Рост дефицитности российского государственного бюджета вызвал необходимость проведения чрезмерной эмиссии кредитных билетов, обмен которых на серебро был прекращен, и они стали, подобно ассигнациям, бумажными деньгами. Денежная реформа 1839–1843 гг. установила в России серебряный монометаллизм. Неустойчивость валюты ухудшала условия внешних займов, а сложное экономическое положение страны затрудняло возможности кредитования освоения новых территорий.

После поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. Россия уже не могла обеспечить в районе Тихого океана необходимую защиту своих территорий.

Действительно, Североамериканские Соединенные Штаты активно скупали территории, принадлежащие другим странам: у Испании в 1829 г. – штат Флориду за 5 млн долларов, у России в 1841 г. – форт Росс. В 1848 г. Американское правительство присоединило к США принадлежавшую ранее Мексике Верхнюю Калифорнию, ставшую в 1850 г. одним из американских штатов.

Обосновывая необходимость приобретения Аляски, в отчете Конгресса Правительству Североамериканских Соединенных Штатов за 1851 г. приведены следующие данные. По величине прибыли промысел в Беринговом море превышает всю торговлю Америки с Востоком. К примеру, за период с 1848 по 1850 гг. рыбная ловля и китобойный промысел принесли США более 8 млн долларов прибыли. В 1859 г. США сделали первую попытку купить Аляску. Договор продажи Русской Америки готовился в спешке и в обстановке секретности. Об этом говорит тот факт, что 1 апреля 1866 г. Российско-американской компании были продлены прежние и предоставлены новые привилегии. Таким образом, учреждение, занимающееся непосредственно управлением североамериканскими землями, не было уведомлено об их продаже.

Русская Америка и владевшая ею Российско-американская компания (задолжавшая к тому времени 1 024 057 рублей) мешали правительству Александра II, желавшему поправить пошатнувшуюся казну и понимавшему, что при первом же вооруженном столкновении Аляска и Алеутские острова будут отняты Соединенными Штатами. 18 (30) марта 1867 г. в Вашингтоне был заключен Договор между Россией и Северо-Американскими Соединенными Штатами об уступке российских североамериканских колоний (Николаева, Глубоков, 2002).

После приобретения Аляски американцы продолжили попытки дальнейшей экспансии на запад. В 1866–1868 гг. царское правительство согласилось на постройку американской компанией «Российско-американский телеграф», которой руководил полковник Белькли, телеграфной линии между Америкой и Россией. Телеграф, разумеется, построен не был, но американцы своего добились: им удалось основательно нажиться и составить карты ряда районов северного побережья Дальнего Востока. Примечательно, что вскоре после завершения деятельности

«компаний» к обследованным ею районам устремилось множество американских судов для охоты за моржами (Губельман, 1955).

Желая упорядочить пушной и морской промысел, правительство Российской империи заключило контракт с американцами на использование пушных ресурсов Командорских островов. Не имея точного представления о доходности и реальном положении котикового промысла, российские власти подписали в целом невыгодный договор с американской фирмой «Гутчинсон, Коль и Ко». В соответствии с ним американцы получили в 1871 г. исключительное право добычи котиков на Командорских островах и острове Тюленьем. Компания обязалась уплачивать ежегодную арендную плату в 5 тысяч рублей, а также по 2 рубля в казну за каждую шкурку морского кота. Компания «Гутчинсон, Коль и Ко» была чисто американской и даже входила в более крупную «Аляскинскую Коммерческую Ко» («Alaska Commercial Co»), промышленявшую котиков в Америке. Чтобы снизить недовольство российской общественности «распродажей» пушных богатств, новый контракт 1877 г. предполагал включение в фирму одного русского компаньона. Таким формальным компаньоном стал А. Ф. Филиппеус, давший компании свое имя («Гутчинсон, Коль и Филиппеус») и «имевший за это с американцев 3000 долларов в год». Благодаря его имени суда компании ходили под русским флагом (Губельман, 1955).

В значительно большей степени экономический ущерб российскому Дальнему Востоку наносили промысловики-браконьеры. Иностранные суда нелегально посещали российские котиковые лежбища и беспощадно, без правил и ограничений уничтожали морских животных. Управляющий Командорскими островами Н. А. Гребницкий составил на английском языке объявление для иностранных судов. Это объявление в 1881 г. было передано для «распубликования» русским консулам в Иокогаме и Сан-Франциско, т.е. в порты пребывания большинства промышленявших в дальневосточных водах судов. От имени правительства объявлялось о запрещении незаконной морской охоты в российских водах под угрозой применения вооруженной силы. Русское Императорское правительство объявило для всеобщего сведения следующее.

1. Без разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири иностранные суда не имеют права торговать, охотиться, ловить рыбу и проч. на русских берегах или островах Охотского и Берингова морей, на Северо-Восточном берегу Азии и наших водах.

2. За таким разрешением иностранные суда могут обращаться во Владивосток исключительно.

3. Иностранные суда, найденные плавающими, охотящимися и проч. в русских водах без разрешения на то генерал-губернатора, а также и те, которые, имея разрешение, не обращают внимания на существующие законы, будут конфискованы с находящимся на них товаром в пользу государства. Это будет введено в силу с этого 1882 года.

Первый генерал-губернатор и одновременно наказной атаман Приамурских казачьих войск и Командующий войсками Приамурского военного округа барон Андрей Николаевич Корф на первом съезде губернаторов Приморской, Амурской и Забайкальской областей и представителей деловых и финансовых кругов Приамурского края в январе 1885 г. предложил создать специальную комиссию для обсуждения рыбного вопроса. Во вступительном слове на открытии съезда было

сказано, что в политико-экономическом развитии края большое место занимают рыбные запасы и их освоение. Рыба, пушнина, китовый жир и ус служат предметами экспорта. О китовом промысле было сказано, что им в основном занимаются у северного берега Приморской области, где запасы составляют неисчислимо богатство, но эксплуатируются иностранцами. Комиссия выработала рекомендации, в которых предложила часть взимаемой вывозной пошлины от китовых продуктов направлять на содержание охранного судна.

В 1887 г. американское правительство подняло вопрос о международном соглашении против хищнического истребления китов в Беринговом море «воровскими шхунами». В 1890 г. оно созвало международную конференцию в Вашингтоне с целью заключения конвенции об ограничении китового промысла. Разногласия по данному вопросу между странами помешали подписанию соответствующего договора.

После того как 1891 г. США и Великобритания запретили бой морского зверя в восточной части Берингова моря, основной промысел сместился в практически не охраняемые русские воды.

В апреле 1894 г. правительства России и Северо-Американских Соединенных Штатов подписали соглашение, по которому гражданам США воспрещалась охота на китов в пределах десятимильной полосы вдоль русских берегов Тихого океана и в пределах тридцатимильной зоны вокруг Командорских и Тюленьего островов.

Если в отношении китового промысла можно говорить как о легальной, так и нелегальной деятельности американцев, то в отношении китового промысла речь идет только о последней. Все попытки иностранцев получить разрешение на добычу китов в русских водах заканчивались для них безрезультатно. В отчете за 1898–1900 гг. Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродскова приводились следующие данные о китобойной деятельности американцев в последние десятилетия XIX в.: еще в середине восьмидесятых годов берега Чукотского полуострова посещало от 30 до 40 шхун, но уже в 1895 г. сюда заходило не более 10 паровых судов, заменившие собой парусные. Кроме китов, американцы бьют также моржей (цит. по: Гарусова, 2001).

В 1911 г. в Вашингтоне была подписана Конвенция между Россией, США, Великобританией и Японией о международной охране китов (Treaty for the Preservation and Protection of the Fur Seals (Washington, D.C., Feb. 7, 1911), 104 B.F.S. P. 175), согласно которой воспрещается охота на китов в водах Тихого океана к северу от 80-й параллели с.ш., включая Берингово, Камчатское, Охотское и Японское моря. Нарушители этого международного договора подлежат аресту и суду в своем государстве, которые обязуются принять национальные законы по охране китов (в России такой закон был принят 18.03.1914 г.). Ввоз китовых шкур допускается лишь с официальными штампами на них. Договор ввел систему квот на вылов, предусмотрев возможность продажи квот. Так, Россия из своего годового улова уступала 15% валового дохода китовых шкур Канаде и Японии, а взамен соответственно получала от них по 10% их валового дохода с улова (Захаров, 1917).

Богатый зарубежный опыт зверобойного промысла был причиной строительства специализированных судов и обучения российских промысловиков за границей. Так, весной 1889 г. на Ньюландском заводе в г. Берген (Норвегия)

А.Г. Дыдымов построил китобойное судно, на котором в течение двух лет вел в дальневосточных морях успешный китобойный промысел. После гибели А.Г. Дыдымова добычей китов у берегов Дальнего Востока стал заниматься молодой российский офицер Г.Г. Кейзерлинг, основавший в 1894 г. вместе с братом «Товарищество Тихоокеанского китобойного промысла». Перед тем как приступить к его созданию Генрих Гугович побывал в Исландии и Норвегии, где на практике изучил норвежский способ охоты на китов и утилизацию отходов (Мандрик, 1994).

Рыбный промысел в дальневосточных морях начал развиваться позднее зверобойного и китобойного. В начале 1860-х гг. американцы на западно-камчатском шельфе пытались организовать крючковый лов трески, но, несмотря на хорошие уловы, этот промысел развития не получил из-за удаленности от американских берегов. Примерно с этого времени в российских водах начался и регулярный японский рыбный промысел. На Сахалине японцы в большом количестве вылавливали нерестовую сельдь на тук (продукт переработки сельди, особо ценимый японцами в качестве удобрения для рисовых полей) и лососей. Затем японский лососевый промысел распространился в Приморье, на Амур, Камчатку и северо-охотоморские районы.

В 1853 г., при первом занятии Сахалина русскими, они встретили в заливе Анива, на месте Корсаковского поста, целое японское поселение, занимавшееся рыбным промыслом и скупкой рыбы и мехов у айнов. По Симодскому трактату 1855 г., Сахалин остался не разделенным между Японией и Россией. В 1875 г. Сахалин окончательно был уступлен России в обмен на Курильские острова. С Японией был заключен договор, по которому японцам было предоставлено право посещать на своих судах в продолжение десятилетнего срока (с 1875 по 1885 гг.) порт Корсаковский без платежа каких-либо портовых и таможенных пошлин, право судоходства и торговли в портах Охотского моря и Камчатки, а также рыбной ловли в этих водах и вдоль берегов. Для тех же японцев, которые после передачи Сахалина остались бы на нем для постоянного жительства, было выговорено право рыбной ловли и охоты в пределах тех пространств, которые принадлежали им до заключения трактата. Они должны были принять русское подданство, в противном же случае по истечении трех лет должны были удалиться с русской территории. Эти ясные и точно определенные положения договора не были с достаточной последовательностью проведены в жизнь. Японские промышленники совершенно бесконтрольно и беспощинно занимались рыбной ловлей, прибегая нередко и к хищническим способам лова.

В 1880 г. были утверждены первые русские правила для производства рыбного промысла и установлена огромная пошлина на вывозимые рыбные продукты в размере 50 коп. за пуд, которую, впрочем, японские промышленники до 1883 г. не платили вовсе. Когда они были понуждены платить эту действительно чрезмерную пошлину, то это вызвало бросающийся в глаза упадок промысла в 1884–1886 гг. С изданием новых промысловых правил в 1885 г. и с уменьшением пошлины до 10 коп. с пуда японский промысел снова оживился и стал постепенно и неуклонно развиваться.

В 1885 г. были изданы вторые временные правила рыболовства, аналогичные для острова Сахалин и Приморской области. Этими правилами производство промысла и скупка рыбы разрешались всем русским и иностранным подданным с дозволения

местных властей. Пошлина составляла 5 коп. золотом (7 с половиной коп. кредитных) за каждый пуд рыбы с иностранных подданных и русских, если последними рыба будет вывозиться за границу на иностранных судах. Русские же подданные, отправляющие рыбу на русских судах, должны были уплачивать пошлину в размере 5 коп. кредитных с пуда. А заготавливающие рыбу для внутренних рынков России были освобождены от пошлины вовсе. Этими правилами было впервые положено начало поощрению русского промысла путем дифференцированных вывозных пошлин: русские промышленники уплачивали почти в полтора раза меньше японцев.

В 1890 г. вступили в силу третьи временные правила. Параграфом 2 правил целый ряд местностей на Сахалине был исключен из района деятельности японских промышленников. Параграфом 5-м определялся размер пошлины: за один пуд рыбных продуктов или морской капусты по 5 коп. кредитных с русских подданных и по 7 коп. кредитных – с иностранных подданных; за один пуд трескового и селедочного жира – по 10 коп. кредитных с русских подданных и по 16 коп. – с иностранных; за один пуд засоленного китового жира и мяса или вытопленного жира – по 3 коп. кредитных с русских и по 5 коп. – с иностранных подданных; за один пуд высушенных и приготовленных вилок трепангов – по 60 коп. кредитных с русских и по 1 рублю – с иностранных подданных.

По правилам 1894 г., если на одно и то же место побережья будет заявлено желание заняться промыслом несколькими промышленниками, а по характеру промысла разрешение может быть выдано лишь одному, предпочтение дается русским подданным пред иностранцами (Шмидт, 1905).

По торговому договору между Россией и Японией от 27.05.1895 г. японцы не получили никаких прав и преимуществ в смысле производства промысла в наших восточных водах.

По сравнению со всеми предыдущими во Временных правилах 1899 г. наиболее полно и последовательно приведены поощрительные мероприятия, имеющие целью развитие русского промысла. В этом отношении наиболее важным является § 13 правил, дающий прямое предпочтение русским предпринимателям перед иностранцами при отдаче в аренду промысловых участков.

Следующие Временные правила для производства морского рыбного промысла окончательно устанавливают в качестве основного принципа (§ 3), что право производства рыбного промысла в территориальных водах Приамурского края предоставляется лишь русским подданным с обязательством содержать как для лова рыбы, так и для приготовления рыбных продуктов исключительно русских подданных. Иностранцам право производства промысла предоставляется лишь в виде исключения в том районе, в котором они занимались промыслом ранее и лишь впредь до особых распоряжений. Таким районом, открытым временно для иностранного промысла, является, согласно правилам, южный Сахалин.

Ценное право эксплуатации вод чужого государства, коим пользовалась Япония, ничем не компенсировалась с ее стороны, так как по существующим договорам Россия никогда не пользовалась никакими особыми преимуществами со стороны Японии (Шмидт, 1905).

Российское правительство пыталось ограничить проникновение иностранцев в русские территориальные воды для ведения рыбного промысла не только в водах Сахалина. 29 ноября 1901 г. оно издает «Временные правила для производства мор-

ского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства». По данным Мандрика (1994) в §4 отмечалось, что право на производство рыбного промысла в территориальных водах Приамурского края предоставляется лишь русским подданным с обязательством содержать как для лова рыбы, так и для приготовления рыбных продуктов рабочих исключительно из русских подданных. Иностранным промышленникам на основе «Правил...» запрещалось заниматься рыболовством по русскому побережью, за исключением южной части Сахалина, где вести промысел разрешалось и русским, и иностранным предпринимателям, которым дозволялось содержать для этого русских или иностранных граждан, но только на тех рыбных участках, в которых не поставлено особых условий. Новые правила допускали сдачу иностранцам в пределах южного Сахалина сельдяных рыболовных участков в краткосрочную аренду и только с торгов. В случае нарушения правил лова иностранцы от промысла отстранялись (цит. по: Мандрик, 1994).

Быстрое развитие российского рыбного промысла, что совпало с большой волной переселенцев на Дальний Восток из западных районов страны, и расширение активности в российских водах японских рыбаков вызвали необходимость регламентации эксплуатации рыбных ресурсов, а также изучения промыслов и промысловых объектов. Начало таких работ связано с именами В. К. Бражникова, который еще в 1898–1904 гг. изучал лососевые промыслы на Амуре, и П. Ю. Шмидта, обследовавшего в 1900–1901 гг. в ходе «Корейско-Сахалинской экспедиции» Японское море и южную часть Охотского моря. Корейско-Сахалинская экспедиция работала с марта по конец мая 1900 г. в окрестностях Владивостока (в районе залива Петра Великого), в начале июня – в окрестностях Гензана (в районе залива Броутона), с конца июня по начало августа продолжалось сухопутное путешествие из Гензана в Фузан и с августа по конец октября – обратное путешествие из Фузана в Сеул и пребывание в последнем. Ноябрь и начало декабря ушли на хлопоты в Порт-Артуре и Владивостоке, с середины же декабря и по конец апреля 1901 г. П. Ю. Шмидт изучал фауну морских животных, преимущественно рыб Японии, именно в Нагасаки, Кагошиме, Токио и Мисаки. Прибыв затем во Владивосток и снарядившись там, П. Ю. Шмидт в середине мая выехал на Сахалин, где работал до начала сентября, после чего вернулся во Владивосток и собрался в обратный путь (Шмидт, 1904). П. Ю. Шмидт опубликовал первую сводку по морским рыбам Дальнего Востока «Рыбы восточных морей Российской империи» (1904), а также обширный труд «Морские промыслы острова Сахалин» (1905) (Засельский, 1984). В работах В. К. Бражникова (1900, 1903, 1904, 1907) и П. Ю. Шмидта (1904, 1905) впервые широко ставятся вопросы о рациональном рыболовстве, биологии промысловых объектов и необходимости их углубленного изучения. На рубеже XIX и XX столетий основу дальневосточного промысла рыб составляли лососи, В. К. Бражников считал, что естественные рыбные богатства должны быть сохранены для будущих поколений и ограждены от расхищения иностранными промысловиками.

В. К. Бражников и П. Ю. Шмидт выступали за создание крупного российского рыбного промысла и вытеснение из российских вод японцев. Но планомерный ход событий был нарушен Русско-японской войной. Одержав сравнительно легкую победу, Япония стремилась сохранить за собой право рыбной ловли в низовьях Амура и в Амурском лимане, на Сахалине, распылить его на Камчатке,

Получив южную часть Сахалина, новая власть учредила надзор за рыбными промыслами, сдала с торгов 18 сентября 1905 г. рыболовные участки, которые по спискам 1903 г. числились за русскими промышленниками. Японская дипломатия выдвинула основное требование к побежденной России — предоставление японским подданным монопольного права эксплуатации русских вод на вечные времена.

Летом 1906 г. русское и японское правительства согласно XI и XII статьям Портсмутского договора приступили к переговорам по заключению Трактата о торговле, мореплаванью и рыбной конвенции, который и был подписан в Петербурге в июле 1907 г. сроком на 12 лет. На основании заключенной конвенции царское правительство обязалось ставить на публичные торги рыболовные участки сроком аренды на год, три и пять лет, к которым японские промышленники допускались на одинаковых условиях с русскими. Торги должны проходить во Владивостоке каждый год перед началом рыболовного сезона. Согласно первой статье Русско-японской рыболовной конвенции иностранным арендаторам предоставлялось право ловить, собирать и обрабатывать рыбу и другие продукты моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль побережья Японского, Охотского и Берингова морей, за исключением рек и бухт, а также 34 закрытых заливов. Однако эти ограничения для японского рыболовства, введенные в конвенцию по настоянию российского правительства, почти не достигли цели.

В рыболовстве на основе Конвенции произошло разделение географических зон действия русского и японского капиталов на Дальнем Востоке. Русские рыбопромышленники имели право вести добычу рыбы главным образом на речных рыболовных участках, которые сдавались государством за попудную плату, а не с торгов. Японские рыбопромышленники должны были работать исключительно на морских участках в конвенционных водах. В среднем в русских водах ежегодно арендовалось 252 морских участка, из них за японскими предпринимателями закреплялось на правах аренды 207, за русскими — 45 участков. Получалось, что русские конвенционные воды находились почти в монопольном владении японских арендаторов, а на долю русских приходилось 15–18% промыслов и 11% общей добычи. Ставя главной задачей не допустить развития русской рыбопромышленности в широких размерах, японцы вскоре после заключения Конвенции вышли за пределы арендованных промыслов, распространив свое влияние на русские участки в конвенционных водах, а также стали скупать на речных участках рыбопродукцию, кредитовать русских рыбопромышленников, снабжать их промыслы снаряжением. Поддерживаемые японским правительством рыболовные компании и фирмы стали направлять в русские воды большое количество пароходов и шхун, занимались нелегальным ловом рыбы, несмотря на то что им предоставлялось легальное право — через аренду — вести промысел (Кадзевич, 1928).

Используя экономическую и политическую слабость российского правительства на Дальнем Востоке, японский капитал все более настойчиво проникал в отдаленные районы. Среди них Камчатка, малозаселенная, отдаленная от центра, стала после конвенции 1907 г. основным районом, в котором господствовал японский предприниматель (таблица).

В 1910–1930-х годах значительные стада трески в западно-сахалинских водах интенсивно облавливали многочисленные японские флотилии. Впервые промышленным способом тихоокеанскую треску начали ловить американцы в

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИИ

Количество участков, арендованных русскими и японскими рыбопромышленниками в конвенционных водах Охотско-Камчатского края в 1907–1913 гг.

The number of sites rented by the Russian and Japanese fishermen in the Convention waters of Okhotsk-Kamchatka in 1907–1913.

Год	Район					
	Охотский		западно-Камчатский		восточно-Камчатский	
	русские	японцы	русские	японцы	русские	японцы
1907	1	5	3	58	нет	5
1908	нет	3	5	53		31
1909	нет	3	14	95	10	45
1910	нет	1	5	97	9	29
1911	нет	4	7	135	14	44
1912	1	3	3	130	14	48
1913	1	6	9	143	13	49

Примечание: таблица составлена Мандриком (1994) на основании материалов: Рыбные промыслы Дальнего Востока. СПб., 1911. Т. V. С. 28–29; Материалы к познанию русского рыболовства. СПб., 1912. Т. I. Вып. 4. С. 31; Ил., 1917. Т. V. Вып. 2. Приложение 3.

Note: The table was done by A. T. Mandrik (1994) on the basis of materials. Fisheries of the Far East. Spb., 1911. V. V. P. 28–29; The materials to the knowledge of the Russian fisheries. Spb., 1912. V. I. Iss. 4. P. 31; Pg., 1917. V. V. Iss. 2. Annex 3.

1912 году на шхуне «Тимандра» именно вблизи берегов Сахалина, точнее – в Татарском проливе (Ким Сен Ток, 2002).

На рубеже XIX и XX вв. активный иностранный промысел морских гидробионтов бассейна северной части Тихого океана сопровождался интенсивными исследованиями. Так, в 1890 г. американское судно «Альбатрос» проводило работы в Беринговом море, в 1891 г. совершило поездку с членами Беринговой комиссии к Прибыловым островам, в 1892 г. работало у Аляски и совершило поездку к Командорским островам, рейс с Прибыловых островов к Командорским, зашло в Петропавловск, прошло вдоль Курильской гряды; в 1893–1895 гг. оно крейсеровало в Беринговом море, у Аляски, Алеутских и Командорских островов, в 1896 г. совершило продолжительный рейс к берегам Японии, совершив боковую экскурсию в Охотское море, посетив залив Терпения и о-в Тюлений; из Японии оно прямым путем вернулось в Сан-Франциско (Шмидт, 1905). Важнейшие результаты работы «Альбатроса» по рыбам выразились в работах Бина (Bean, 1890), Жильберта (Gilbert, 1890, 1891, 1893, 1898), Жилия и Таунсенда (Gill, Townsend, 1897), итоги всем предшествовавшим ихтиологическим исследованиям в Беринговом море были подведены Джорданом и Жильбертом (Jordan, Gilbert, 1899). По промысловой ихтиологии наиболее важны данные, изложенные в работах Таннера (Tanner, 1888, 1889), Ратбёна (Rathbun, 1892), Мак-Дональда (Mac-Donald, 1892) и Мозера (Moser, 1898). Начиная с 1915 г. японское правительство направляло в Охотское и Берингово моря четыре научно-исследовательских судна, принадлежавших Токийскому рыболовному институту, агрокультурному факультету Северо-Восточ-

ного университета и Экспериментальной станции морских продуктов в Хакодате (Шмидт, 1905).

Продолжая политику активного проникновения, начатую в дореволюционные годы, японское правительство объявило в российских дальневосточных водах так называемый «свободный лов», посылая для охраны своих рыбопромышленников военные суда. Так, в 1922 г. из 272 рыболовных участков 264 эксплуатировал 91 японский предприниматель, на них было добыто 680,9 тыс. коку (1089,4 тыс. пудов) рыбы, произведено 709 тыс. ящиков консервов. По инициативе Центрального отдела рыболовства и охоты Наркомата земледелия РСФСР 6 августа 1921 г. в Москве прошло совещание, на котором рассматривался вопрос о положении рыболовства в этом районе страны. Выступивший заведующий отделом рыбоохоты В. И. Воротников дал точную оценку положения отечественной рыбопромышленности в регионе: оккупация японцами дальневосточных рыбных промыслов и почти полное парализование ими деятельности русских рыболовных артелей, заготовлявших прежде для рынка миллионы пудов рыбы, лишает население широкого потребления питательных и дешевых продуктов (цит. по: Мандрик, 2000).

2 марта 1923 г. Совнарком РСФСР принял постановление о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке, на основании которого иностранные граждане получали право вести рыбную ловлю в пределах дальневосточных вод при наличии соответствующих патентов от российских властей. С апреля 1923 г. одновременно с переговорами об установлении дипломатических отношений между СССР и Японией А. А. Иоффе по поручению Правительства вел переговоры с Каваками Тисихито о дальнейшем существовании японского рыболовства в советских территориальных водах. 21 мая в Токио удалось достичь соглашения о статусе рыболовства в советских водах. На основе соглашения во Владивостоке на базе управления «Дальрыба» была создана Комиссия по определению задолженности японских рыбопромышленников за 1921–1922 гг.

Дальнейшее развитие советско-японские рыболовные отношения получили после 20 января 1925 г., когда в Пекине советским послом Л. М. Караханом и послом Японии Кенкичи Иошизавай была подписана «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией». В Конвенции в 3-й главе было оговорено, что правительства «приступят к пересмотру рыболовной конвенции 1907 г., приняв во внимание те перемены, которые могли иметь место в общих условиях со времени заключения указанной рыболовной конвенции». 27 марта 1925 г. была заключена Рыболовная конвенция между СССР и Японией, однако по этой конвенции сохранились тот же порядок проведения торгов на рыболовные участки, те же платежи и налоги, что и в 1923–1924 гг. (Мандрик, 1994). В связи с этим японские арендаторы продолжали чувствовать себя достаточно уверенно в советских дальневосточных водах. На долю японского сектора приходилось 58,3% общего вылова лососевых и почти 90% крабов (Мандрик, 1998).

В 1925 г. на Дальневосточном бассейне была создана Тихоокеанская научно-промысловая станция (ТОНС), с помощью которой были организованы регулярные ресурсные исследования Дальневосточных морей, включая открытое море. Для выяснения возможности приобретения для ТОНС научно-исследовательского судна в январе 1926 г. ее первый директор К. М. Дерюгин посетил Швецию, Норве-

гию, Данию и Германию, заключил договоры на приобретение научной аппаратуры, литературы, установил многочисленные контакты. Однако собственный НИС появился у ТОНС, реорганизованной в 1928 г. в Тихоокеанский институт рыбного хозяйства (ТИРХ), лишь в конце 1929 г.

Несмотря на это, ТОНС уже в 1926 г. приступил к регулярным рыбохозяйственным исследованиям Дальневосточных морей. К. М. Дерюгин в 1926 г. организовал для проведения гидрологических и гидробиологических исследований Тихоокеанскую экспедицию. Сначала работал только Южный отряд, продолжавший в Японском море работы, начатые К. М. Дерюгиным в 1925 г. Экспедиция выполняла исследования на двух судах: одно вело гидрологические и гидробиологические исследования, другое – ихтиологические и промысловые. Отрядами руководили: на Японском море – Н. И. Тарасов и Д. И. Охрямкин, на Охотском – П. В. Ушаков и И. А. Полутов, на Беринговом (этот отряд также обследовал часть Чукотского моря на средства, выделенные для проведения II Международного полярного года) – Г. Е. Ратманов и В. Ф. Шмит.

Экспедиция определила в Японском море летнее распределение промысловых рыб вдоль материкового берега, обнаружила крупное скопление камбал в Татарском проливе. В Охотском море было подтверждено и уточнено наличие значительных скоплений камбал и других промысловых рыб, изучены глубоководные рыбы, среди которых оказалось 16 новых для науки видов. Берингоморский отряд обнаружил места нереста тихоокеанской трески, получил данные о распределении минтая, палтусов, камбал. Экспедиция значительно расширила представление о биологии и распределении тихоокеанской сельди, дальневосточной сардины иваси, тихоокеанских лососей, наваги, колючей акулы.

В 1926–1928 гг. особенно заметными были исследования тихоокеанской сельди: распространения, количественного и качественного состава стада, условий массового подхода к берегу, – а также гидробиологические исследования Японского моря.

В 1928 г. Г. Д. Дулькейт изучал рыб района Шантарских островов. В. Е. Розов в северо-западной части Тихого океана и юго-западной части Берингова моря организовал на средства капиталиста М. М. Люри опытный промысел тихоокеанской трески и палтуса. А. И. Амброз провел первые в ТОНС исследования дальневосточной сардины иваси, японского анчоуса, японской скумбрии. И. Г. Зак занимался акулами. Определенное внимание было уделено биологии и промыслу тихоокеанской трески. Шел поиск путей организации морского промысла (Засельский, 1984).

Подытоживая обзор российских международных отношений в области рыболовства, следует отметить, что, как и страна в целом, они переживали периоды взлета и явных поражений. Пройдя через века и даже тысячелетия, Россия остается сильным и уважаемым соседями государством. Накоплен огромный опыт работы в рамках двух- и многосторонних договоренностей в области рыболовства. Несмотря на позитивные предпосылки дальнейшего развития международного рыбохозяйственного сотрудничества России, современный российский вылов за пределами зоны национальной юрисдикции почти в пять раз меньше, чем в 1990 г. Более того, в результате слабой государственной поддержки рыболовных компаний и уменьшения бюджетного финансирования сырьевых исследований наблюдается сокращение

российского рыбного промысла в Мировом океане, ослабление позиций в международных организациях. Все это в конечном счете может приобрести необратимый характер и привести к дальнейшему существенному снижению российского вылова в международных водах. Авторы надеются, что материал данного обзора, показывающий как в труднейших условиях Россия развивала свои рыбные промыслы на протяжении столетий, привлечет внимание к необходимости срочно принять управленческие решения на самом высоком уровне для обеспечения современных и будущих поколений россиян качественной белковой рыбной продукцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисов П.Г. Научно-промысловые исследования на морских и пресных водоемах. М.: Пищ. пром-сть, 1964. 260 с.

Бражников В.К. Рыбные промыслы Дальнего Востока. Вып. I. Осенний промысел в низовьях р. Амура. Изд-во М. З. и Г. И. Сиб. 8, 1900. 133 с.

Бражников В.К. Список пунктов, где производились зоологические сборы паровой шхуной М. З. и Г. И. «Сторож» в 1899–1902 гг. // Ежегод. Зоол. муз. изд-е АН. 1903. Т. VIII. 6 с. +2 карты.

Бражников В.К. Рыбные промыслы Дальнего Востока. Вып. II. Материалы по топографии и физической географии Николаевского рыбопромышленного района. Изд-во М. З. и Г. И. Сиб., 1904. 166 с. + 18 черт.

Бражников В.К. Материалы по фауне русских восточных морей, собранные шхуной «Сторож» в 1899–1902 гг. // Зап. Императ. АН. Сер. VIII. По физико-математическому отделению. СПб.: Тип. Императ. АН, 1907. Т. XX. № 6185. II с. + иллюстр.

Гарусова Л.Н. Российско-Американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 6 с.

Губельман М.И. Борьба за советский Дальний Восток. 1918–1922. М.: Воениздат, 1955. 40 с.

Засельский В.И. Развитие морских биологических исследований на Дальнем Востоке в 1923–1941 гг. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. 246 с.

Захаров Н.А. Курс общего международного права. Петроград: Тип. Д.П. Вейсбрута, 1917. 100 с.

Кадзевич Г. Рыбные промыслы СССР. М.: Нов. агроном, 1928. 48 с.

Ким Сен Ток. Изучая треску и окуней // Под созвездием Персея. СахНИРО 70 лет. Владивосток: Рубеж Форт Росс, 2002. С. 69–71.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки, Т.1. СПб.: Изд-е АН, 1756а. 438 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки, Т.2. СПб.: Изд-е АН, 1756б. 319 с.

Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е годы XVII в. – 20-е годы XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1994. 192 с.

Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е гг. XVIII 30-е годы XX вв.): Автореф. ... дис. докт. ист. наук. Владивосток, 1998. 458 с.

Мандрик А.Т. История рыбной промышленности Дальнего Востока 1927–1940 гг. Владивосток: Дальнаука, 2000. 158 с.

Наумов В. М. Научно-промысловые исследования ВНИРО // История региональных исследований биологических ресурсов гидросферы и их использования. М.: Наука, 1982. С. 110–149.

Николаева О. В., Глубоков А. И. Беринговоморские соседи. История вопроса – век XIX // Рыболовство России. 2002. №2. С. 40–43.

Слютин Н. В. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов (Отчет д-ра П. Слютина за 1892–1893 гг.). СПб., 1895. 117 с.

Шмидт П. Ю. Рыбы восточных морей Российской Империи. Научные результаты Корейско-Сахалинской экспедиции Императорского Русского Географического Общества 1900–1901 гг. СПб., 1904. 466 с.

Шмидт П. Ю. Морские промыслы острова Сахалина. Отчет Министерству Земледелия и Государственных Имуществ о научно-промысловых результатах Корейско-Сахалинской экспедиции Императорского Русского Географического Общества 1900–1901 гг. СПб., 1905. 458 с.

Bean T. N. Scientific results of explorations by the U.S.F.C. steamer Albatross. XI. New fishes collected of the coast of Alaska and the adjacent region southward // Proc. US Nat. Mus. 1890 (1891). V. 13. P. 37–45.

Gilbert Ch. H. Scientific results of explorations by the U.S.F.C. steamer ALBATROSS. XII. A preliminary report on fishes collected by the steamer "ALBATROSS" on the Pacific coast of North America during the year 1889, with descriptions of 12 new genera and 92 new species // Proc. US Nat. Mus. 1890 (1891). V. 13. P. 49–126.

Gilbert Ch. H. Scientific results of explorations by the U.S.F.C. steamer ALBATROSS. XXII. Descriptions of thirty four species of fishes collected in 1888 and 1889, principally among the Santa Barbara Islands and in the Gulf of California // Ibid. 1891 (1892). V. 14. P. 539–66.

Gilbert Ch. H. The ichthyological collected of the steamer "ALBATROSS" during the years 1890 and 1891 // Rep. US Fish F. Comm. 1893 (1895). V. XIX. P. 393–476+ pl. 20–35.

Gilbert Ch. H. Report on fishes obtained by the steamer "ALBATROSS" in the vicinity of Santa Catalina Isl. And Monterey Bay // Ibid. 1898 (1899). P. 25–29+ pl. I–II.

Gill Th., Townsend C. H. Diagnoses of new species of fishes found in Bering Sea // Proc. Biol. Wash. 1897. V. II. P. 231–234.

Jordan D. St., Gilbert Ch. H. The fishes of Bering Sea, being a special report in Part III, "Report of Fur-Seal Investigations, 1896–97". 1899. Sec. XVIII. P. 433–492+ pl. XLII–LXXXV.

Mac-Donald M. The salmon fisheries of Alaska // Bull. U.S.F.C. 1892 (1894). V.12. P. 1–20+ 9 pls.

Moser J. F. The salmon and salmon fisheries of Alaska. Report of the operations of the "Albatross" of the year ending June 30, 1898 // Ibid. 1898 (1899). Part 18. P. 1–178+ 63 pls+ 26 fig.+cht.

Rathbun R. A summary of the fishery investigations conducted in the North Pacific Ocean and Bering Sea from July 1, 1888, to July 1, 1892 (1894) by the U.S.F.C. steamer Albatross // Ibid. 1892 (1894). V.12. P. 127–201 + 5 chts.

Steller G. W. De bestiis marinis // Nov. Comm. Acad. Sci. Petrop. 1751. V. II. P. 289–398.

Tanner Z. L. Explorations of the fishing grounds of Alaska, Washington Territory and Oregon, during 1888, by the U.S.F.C. steamer "Albatross" // Bull. US Fish.Com. 1888 (1890). V.VIII. P. 1–95+10 pls.+ 2 chts.

Tanner Z. L. The fishing grounds of Bristol Bay, Alaska: A preliminary report upon the investigations of the U.S.F.C. steamer "Albatross" during the summer of 1890 // Ibid. 1889 (1890). V. IX. P. 279–288+ 3 chts.

**THE INTERNATIONAL RELATIONS AND THE RUSSIAN RESEARCHES
IN THE FIELD OF MARINE FISHERIES
IN THE EARLY PERIOD. PART 2. FAR EASTERN SEAS**

© 2013 y. A. I. Glubokov, N. R. Popova

Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography, Moscow, 107140

We consider the Russian international relations in the field of marine fisheries from the Middle Ages to the first quarter of the XX century in the Far Eastern Seas. The survey includes little-known sources, which allows to characterize the formation of the Russian international marine fisheries interactions.

Keywords: history of the international fisheries, marine fisheries law, international fisheries management research.